
ГРАЖДАНСКОЕ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

О НЕОБХОДИМОСТИ РАДИКАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА¹

© 2022 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 24.04.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика предпринимательского права в эпоху современного санкционного международного давления на экономику Российской Федерации. Отдается должное заслугам академика АН СССР (РАН) В. В. Лаптева, который не только создал доктрину советского хозяйственного права в эпоху плановой экономики, но и обосновал ее модернизацию в предпринимательское право для рыночной экономики. Нынешний этап российской экономики можно посчитать экономикой мобилизационной. В статье рассматриваются причины и основания для этого. Обосновываются новые для российского предпринимательского права периода мобилизационной экономики подходы к системе этой отрасли права как науки, как законодательства и как учебной дисциплины, новые субъекты и объекты предпринимательского права, новые его институты; обосновывается также необходимость возврата к такому важному институту советского хозяйственного права, как правовое регулирование планирования с его новым наполнением в виде правового регулирования стратегического планирования. Вносятся и иные предложения.

Ключевые слова: предпринимательское право, эпоха мобилизационной экономики, новые субъекты, объекты и институты.

Цитирование: Клеандров М. И. О необходимости радикальной модернизации российского предпринимательского права // Государство и право. 2022. № 7. С. 63–69.

DOI: 10.31857/S102694520020995-5

ON THE NEED FOR RADICAL MODERNIZATION
OF RUSSIAN ENTREPRENEURIAL LAW²

© 2022 М. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 24.04.2022

Abstract. The article deals with the problems of Entrepreneurial Law in the era of modern international sanctions pressure on the economy of the Russian Federation. It pays tribute to the merits of Academician of the USSR Academy of Sciences (RAS) V.V. Laptev, who not only created the doctrine of Soviet Economic Law in the era of planned economy, but also justified its modernization into Entrepreneurial Law for a market economy. The current stage of the Russian economy can be considered a mobilization economy – the article discusses the reasons and grounds for this. The article substantiates new approaches to the system of this branch of law as a science, as legislation and as an academic discipline, new subjects and objects of Entrepreneurial, its new institutions, for the Russian Entrepreneurial Law of the period of the mobilization economy; it also substantiates the need to return to such an important institution of Soviet Economic Law as legal regulation of planning, with its new content in the form of legal regulation of strategic planning.

¹ В основу данной статьи положен доклад автора «Российское предпринимательское право в современных условиях международной турбулентности» 28 апреля 2022 г. на Международной научно-практической конференции «Лаптевские чтения—2022» памяти академика В. В. Лаптева.

² This article is based on the author's report "Russian Entrepreneurial Law in modern conditions of international turbulence" on April 8, 2022 at the International Scientific and Practical Conference "Laptev Readings—2022" in memory of Academician V.V. Laptev.

Key words: Entrepreneurial Law, the era of the mobilization economy, new subjects, objects and institutions.

For citation: Kleandrov, M.I. (2022). On the need for radical modernization of Russian Entrepreneurial Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 63–69.

Академик АН СССР (РАН) В.В. Лаптев, являясь основоположником доктрины советского хозяйственного права, был автором многих научно-правовых открытий фундаментального уровня. Одним из самых значимых и хронологически последних, к сожалению, недооцененных, следует назвать «перевод» доктрины хозяйственного права на сломе эпох в период трансформации российской плановой экономики в рыночную, в доктрину предпринимательского права. Это было воистину выдающимся достижением, потребовавшим переосмысления многих устоявшихся положений практически всех институтов этой отрасли права (а как следствие — отрасли науки, отрасли законодательства и учебной дисциплины). До 24 февраля 2022 г. российское предпринимательское право, как устоявшаяся и проверенная временем отрасль, эффективно функционировало, хотя и резерв для его совершенствования имелся немалый, что наглядно демонстрировали ученые-специалисты в сфере предпринимательского права, включая соответствующий сектор Института государства и права РАН.

Следует отметить, что, в принципе, названный «перевод» доктрины хозяйственного права в предпринимательское, обусловленный сломом эпох, изменением государственного и общественного строя и социально-экономического фундамента государства, имевший место в начале 1990-х годов, был не первым. Революционный слом эпох в 1917–1922 гг. повлек за собой радикальную замену российского коммерческого права на хозяйственное, становлению и первоначальному развитию которого, как известно, активно способствовали известные отечественные ученые, такие как П.И. Стучка, Л.Я. Гинцбург, Е.Б. Пашуканис. Да и попытки изолировать Россию всевозможными санкциями имели место не только в период «железного занавеса», но и ещё в 20-х годах прошлого века, при этом решении проблем, возникших вследствие этих попыток, способствовало советское хозяйственное право, адекватно регулирующее соответствующие отношения в экономической сфере в те турбулентные периоды, не менее бурные, чем нынешние.

Можно с определенными оговорками сказать, что с 24 февраля 2022 г. Российская Федерация вступила в эру мобилизационной экономики. Можно даже сказать шире: в период экстремальной жизнедеятельности российского общества, и не мы инициаторы этого процесса. Выступая 13 апреля 2022 г. в Совете Федерации, первый вице-премьер Андрей Белоусов сказал: «По сути,

предпринята попытка организовать глобальную блокаду России, состоящую, схематично, из четырех полей — финансового, торгового, транспортного и гуманитарного». И отметил далее: но с шестой по величине экономикой мира это не пройдет — события последних полутора месяцев об этом свидетельствуют. Соответственно, и российское право должно соответствовать складывающейся ситуации — в разных отраслях и правовых институтах и по-разному, но в целом должно радикально модернизироваться. И речь для предпринимательского права (и некоторых иных отраслей права) не идет о регуляторной гильотине и иных мелких корректировках ведомственных, отраслевых, локальных и т.п. актах. Положение дел, а следовательно, и проблемы здесь сложные, и прежде всего именно для предпринимательского права.

В принципиальном плане это прежде всего означает, что весь государственный механизм должен — в идеале — быть преобразован в целях принятия решений, доведения их до исполнителей и исполнения максимально оперативно, но в полном, изначально определенном объеме. При этом все звенья, все «винтики» и «болтики» госмеханизма, в первую очередь в сфере экономики, должны быть: а) ориентированы на ощутимый, заранее определенный результат; б) «вписываться» в своей деятельности в утвержденные национальные цели и национальные проекты и программы, которые, в свою очередь, ещё подлежат соответствующей корректировке; в) должны быть гарантированно охранены от попыток отдельных исполнителей ставить «во главу угла» освоение выделенных средств, а не достижение конечных результатов.

Какие, с точки зрения автора этих строк и только лишь в самом первом приближении, образовались в экономике после 24 февраля 2022 г. (а кое-что — и в ходе «крымской весны», и вследствие коронавирусной пандемии) проблемы, которые без радикального преобразования предпринимательского права (и некоторых иных отраслей права, в частности — административного) вряд ли можно решать, во всяком случае эффективно? Это — следующие:

массовый исход иностранных компаний, сопровождающийся закрытием производств;

фактическое обнуление иностранных инвестиций;

закрытие зарубежных рынков сбыта традиционной экспортной продукции, в том числе — в перспективе — отказ европейских стран от импорта российского трубопроводного газа;

сокращение, а по ряду позиций и полное прекращение поставок комплектующих из-за рубежа, что усложняет логистику их доставки, удорожает стоимость изготовленной продукции и удлиняет сроки ее изготовления, а в ряде случаев требует их изначальной разработки для приспособления к требованиям отечественной промышленности;

проблемы с импортозамещением, например, в семеноводстве, где по картофелю собственными семенами сегодня мы обеспечены лишь на 15%, по сахарной свекле — на 20%, и т.п., что означает — в этих сферах мы значительно зависим от зарубежных партнеров. Доля же иностранного телекоммуникационного оборудования в Российской Федерации составляет 100%; при этом иностранное оборудование для мобильной связи и сети Интернет на 40% — китайское, на 60% — европейское и американское;

ограничение визовых режимов между Российской Федерацией и недружественными государствами, в т.ч. государствами Европейского Союза, что ограничивает возможности перемещения специалистов в обоих направлениях. Сюда же следует отнести образовавшееся напряжение на рынке труда, а также на перемещение капитала между Российской Федерацией и рядом развитых государств.

Этот перечень обширный, и он наверняка будет дополняться и корректироваться. И решение — быстрое и эффективное — этих проблем будет, вынужденно, решаться (да уже и решается на практике) в т.н. ручном режиме, что, как известно, ненадежно и требует впоследствии соответствующего правового закрепления — разумеется, силами и средствами прежде всего предпринимательского права. Ведь мобилизационные призывы, прежде всего — в экономической сфере, даже облачаемые в форму нормативных правовых актов (обычно наскоро принимаемых), эффективно работают в коротком временном отрезке, т.е. это — тактика, когда как здесь нужна и стратегия, которую может обеспечить лишь законодательство на базе научно-правовых проработок.

К тому же в сферу права при его модернизации, обусловленной вступлением России в эру мобилизационной экономики, входят и предложения, к которым нужно относиться с большой осторожностью, и которые требуют особенно тщательной проработки.

Пожалуй, в первую очередь здесь следует называть «зеленую» экономику. Есть, как известно, предложения, адресованные Правительству РФ от различных предпринимательских структур о смягчении ряда экологических норм для бизнеса в виде снижения требований, как действующих, так и еще не вступивших в силу, в сфере промышленной экологии с целью уменьшения «финансовых и административных рисков». Таких, в частности,

предложений от РСПП в Правительство РФ уже поступило 40.

Это требования с различной степенью категоричности: предоставления отсрочек от уплаты налогов и обязательных неналоговых средств в бюджеты; существенного послабления при предоставлении кредитов; существенного сокращения разного рода отчетов; моратории на проведение в отношении их проверок; предоставления всевозможных льгот, субвенций и т.д.

Все это означает, что подобные предложения, которые должны как минимум быть облечены в правовую форму, требуют предварительной научно-правовой проработки. И эта проработка должна базироваться на соответствующей методологии, переосмысливании некоторых устоявшихся фундаментальных основ правового регулирования в сфере экономики.

Соответственно, российское предпринимательское право, которое должно обеспечить в доминирующей части перевод экономики на мобилизационные рельсы, требует модернизации. Прежде всего речь идет о системе предпринимательского права. Ведь по большому счету именно наличие общепринятой и проверенной временем системы дает основание совокупности одноотраслевых нормативных правовых актов считаться самостоятельной отраслью права, законодательства, науки и учебной дисциплины. Подобная же система определяет и предмет отрасли права. Осмелюсь даже привести довольно смелое суждение: система для отрасли права — это то же самое, что конституция для правовой системы государства.

Огромной заслугой В.В. Лаптева служит разработка им предмета и системы советского хозяйственного права. Это было в середине 60-х годов, когда в советскую экономику стали внедряться элементы стимулирования хозяйственной деятельности (что, как известно, осуществлялось на основе постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 «Об улучшении планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»³), чего прежде, в период «казарменного» социализма, не могло быть в принципе. При этом первоначально хозяйственное право, его система, было двухчастным, состояло из Общей и Особенной частей.

В монографии, посвященной обоснованию предмета и системы хозяйственного права, подготовленной В.В. Лаптевым в 1969 г., система хозяйственного права состояла в Общей части из 10 институтов (в том числе разрешение хозяйственных

³ См.: СП СССР. 1965. № 19–20, ст. 153.

споров) и в Особенной части — из 10 институтов⁴. В.В. Лаптев в этой работе обосновал понимание системы хозяйственного права. «Хозяйственное право регулирует разнообразные отношения по руководству и осуществлению хозяйственной деятельности. Многочисленные нормы и институты хозяйственного права тесно связаны между собой и образуют определенное единство. В этом единстве каждая правовая норма, каждый институт занимает определенное место. Логически последовательное и внутренне согласованное расположение хозяйственно-правовых норм и институтов составляет систему хозяйственного права»⁵. При этом В.В. Лаптев в монографии составил отдельные, правда, во многом совпадающие, системы хозяйственного права как отрасли права, так и как науки (а здесь уже в Общей части было 13 институтов, а в Особенной части — девять институтов), отмечая, что система хозяйственного права как учебной дисциплины также имеет свои особенности, связанные с удобством изложения материала, подготовленностью студентов для его восприятия, наличием у них определенных знаний в области правового регулирования народного хозяйства, полученных в связи с изучением смежных дисциплин, и в основном эта система совпадает с системой хозяйственного права как науки⁶.

А где-то в середине 80-х годов достаточно внезапно для многих последователей концепции хозяйственного права его система стала трехчастевой — между Общей и Особенной частями «поместилась» функциональная часть. И это новшество далеко не всеми специалистами-практиками и учеными-юристами, специалистами в области хозяйственного права, было воспринято с воодушевлением. Правда, и оснований для появления функциональной части хватало — началась перестройка и связанные с этим различные модернизационные мероприятия.

Как бы то ни было, обоснованию трехчастевой системы предпринимательского права была посвящена — в соответствующей части — коллективная монография «Хозяйственное право», вышедшая в свет в 1983 г. под редакцией В.В. Лаптева⁷. А изданная в 1986 г. коллективная монография (под его же редакцией) — функциональной части системы хозяйственного права⁸.

⁴ См. подр.: *Лаптев В.В.* Предмет и система хозяйственного права. М., 1969.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ См.: *Хозяйственное право: учеб. пособие для юрид. вузов* / под ред. В.В. Лаптева. М., 1967.

⁷ См. подр.: *Хозяйственное право. Общие положения*. М., 1983.

⁸ См. подр.: *Хозяйственное право. Правовое регулирование функциональных видов деятельности в социалистической экономике*. М., 1986.

Что в принципе означает модернизация современного российского предпринимательского права? Почему она сегодня настоятельно необходима? Это предопределено несколькими обстоятельствами. Во-первых, и это критично, вся наша экономика перестраивается вследствие международной экономической (а еще больше — политической) турбулентности, что требует адекватного сопровождения, прежде всего научно-правового.

Во-вторых, в реальной предпринимательской жизнедеятельности страны в последние годы образовались благодаря научно-техническому прогрессу сферы, где правовое регулирование осуществляется именно нормами, в полной мере или частично, именно предпринимательского права, но бессистемно. Примером может служить «цифровизация» экономики — практически всей, с ее множеством отраслей и секторов. И это — сфера интересов прежде всего предпринимательского права, чему, кстати, немало внимания уделяется учеными Института государства и права РАН. И здесь еще вопрос: институт правового регулирования «цифровизации» предпринимательской деятельности должен находиться в Общей, Особенной или Функциональной частях системы современного российского предпринимательского права? В последнем варианте он может (и должен) быть, в качестве субинститута, вмонтирован практически во все отраслевые институты предпринимательского права. При этом, что важно, цифровизация требует комплексного социально-гуманитарного анализа в сфере нормотворчества, поскольку, с одной стороны, она дает людям и предприятиям новые возможности, а с другой — возникают риски, что подчас вызывает недовольство ею.

В-третьих, фактически уже давно сложились новые субъекты предпринимательского права. Это самозанятые, статус которых до сих пор определяется нормами налогового законодательства, тогда как в Республике Казахстан, например, они — субъекты предпринимательского законодательства. А ведь в России самозанятых, по данным Федеральной налоговой службы, на конец февраля 2022 г. было 4.3 млн чел. — легальных, официально зарегистрированных, платящих налоги⁹. А по неофициальным данным, самозанятых более 20 млн. В основном они работают в строительстве, компьютерных технологиях, перевозках грузов и пассажиров, консалтинге, репетиторствами, помощниками по хозяйству, мастерами по ремонту. Можно предположить, что выходу самозанятых из тени в нашей стране препятствует отсутствие, что они прекрасно осознают, их легальной предпринимательской правосубъектности.

⁹ См.: *Игнатова О.* Сам себе начальник. В России растет число самозанятых // Росс. газ. 2022. 7 апр.

Это разного рода многочисленные территориальные образования с доминированием в них предпринимательской деятельности на особых, регулируемых правом, условиях (значимость этого субъекта подчеркивает то огромной важности обстоятельство, что за последние 20 лет в России прекратили существование 32 тыс. сел и деревень, а существующие 75 тыс., где проживает от одного до 25 тыс., вряд ли доживут до 2025 г. Причин этому немало, в частности, в результате оптимизации здравоохранения количество коек в сельских больницах с 2005 по 2020 г. уменьшилось с 3 659 000 до 929 000, т.е. в четыре раза. Можно также предположить, что если бы соответствующие нормы и институты предпринимательского права стимулировали должным образом предпринимательскую деятельность в этих прекративших существование селах и деревнях, то этот процесс мог бы быть не только остановлен, но и повернут вспять.

Это новые по содержанию научно-промышленные комплексы; субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность в социальной сфере жизнедеятельности общества, в рекреационной отрасли экономики, прежде всего в сфере внутреннего туризма, актуальность чего обострилась в последнее время, и т.д.

Наконец, это принципиально новый субъект предпринимательского права — искусственный интеллект, или, как его назвал О.А. Ястребов — электронное лицо¹⁰ (ясно же, что не физическое и не юридическое). Достаточно сослаться на общеизвестную роботессу Софию, которой несколько лет назад в Саудовской Аравии предоставили гражданство, а значит, она вправе вести предпринимательскую деятельность в качестве субъекта предпринимательского права и наверняка по законодательству этого государства является субъектом предпринимательского законодательства. Во всяком случае в нашей стране официализация искусственного интеллекта (электронного лица) — дело ближайшего будущего.

В-четвертых, проявляется, хотя не столь остро, необходимость формирования нового института предпринимательского права — охраны предпринимательских прав. Это не его новый субъект, а новый объект; это не институт защиты предпринимательских прав, регулирующий отношения по защите и восстановлению уже нарушенных прав предпринимательских структур, а институт охраны этих прав, блокирующий их будущие нарушения и обеспечивающий безопасность субъектов предпринимательского права.

В-пятых, некоторые прежние институты хозяйственного права, остро необходимые в эпоху плановой экономики и отсутствовавшие в системе предпринимательского права¹¹, сегодня требуют актуализации с качественно иным наполнением. Примером может служить важный в эпоху СССР институт правового регулирования планирования экономики, когда под лозунгом «План — это закон!» ответственности, прежде всего персональной для руководителя предприятия за невыполнение договорных обязательств, можно было избежать, в частности, ссылкой на объективные причины, но ответственности за невыполнение плана, равно за недоперевыполнение плана (когда коллектив предприятия принимал обязательство перевыполнить конкретные плановые показатели, рекомендованные «сверху»), руководитель (а с ним и секретарь парткома) избежать уже не мог. Ныне же речь идет о проблематике правового регулирования стратегического планирования — на федеральном, субъектов Российской Федерации и местном уровнях, а также в отраслевых проекциях. Этот институт должен впитать в себя и одновременно стать основой для многочисленных имевших место в постсоветский период планов, проектов, программ и пр., некоторые из которых изначально не могущие быть выполненными, и ответственности за их невыполнение никто не нес. Яркий пример — проект о 25 млн новых высококвалифицированных рабочих мест. Этот воссозданный институт позволит определить стратегические цели, правовое регулирование их достижения и пр. В госсекторе он будет обязательным, в частном — рекомендательным, но содержащим соответствующие условия, стимулирующие выполнение плановых показателей — в сферах налогообложения, кредитования, инноваций и пр.

В-шестых, а это уже принципиально: в качестве отдельного весьма значимого института предпринимательского права должен выступать многофакторный институт защиты прав предпринимательских структур (в случае их нарушения либо оспаривания). По большому счету институты материального и процессуального права, и не только предпринимательского права и арбитражного процессуального права, в сущности своей едины, негоже их разрывать, недаром все активнее говорят о цифровом правосудии. Можно, конечно, сказать, что есть различия — материальное право здесь — ст. 12 ГК РФ, а арбитражное процессуальное право — АПК РФ. Но в своей основе здесь единство способов, процедур, форм, механизмов защиты предпринимательских прав, а научно-теоретические обоснования различий здесь должны следовать за практикой,

¹⁰ См. подр.: Ястребов О.А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. 2017. № 1. С. 189–202.

¹¹ См.: Лантев В.В. Предпринимательское право: понятие и субъекты. М., 1997. С. 25–30 (гл. 4 «Система предпринимательского права»).

а отнюдь не наоборот, практика же свидетельствует: здесь в основе своей именно единство. В 1976 г., в ходе фундаментальной реформы государственной аттестации кадров высшей научной квалификации и формирования новой номенклатуры научных специальностей, специальность 12.00.04 устанавливалась как «Хозяйственное право». Но уже в 1978 г. она была изменена на «Хозяйственное право; арбитражный процесс». И это был правильный, убедительно обоснованный на государственном уровне шаг. В отдельную часть института «защита предпринимательских прав» системы предпринимательского права целесообразно включить не только арбитражный процесс, но и нормы до- и внесудебной защиты прав, вообще все альтернативные способы защиты прав предпринимательских структур, включая третейское правосудие. Такое единство, хозяйственного права и государственного арбитража (предтечи арбитражных судов), например, обсуждалось на международном научном симпозиуме «Хозяйственное право и государственный арбитраж», организованном Институтом государства и права АН СССР в 1981 г., прошедшем в г. Москве; в нем приняли участие ученые из СССР, НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, ЧССР¹². К тому же арбитражным судам вско-ре предстоит рассматривать принципиально новые дела о внешней администрации иностранных компаний, приостанавливающих либо прекративших свою работу в Российской Федерации. А может быть, и о передаче активов другому собственнику как последнем варианте с четко регламентированной аукционной по форме распродажей активов. А это уже такой «коктейль» из норм материального предпринимательского права и арбитражного процесса, с которым ни наше законодательство, ни наша арбитражно-судебная практика ранее не сталкивались. Нет наверняка и научных исследований в сфере данной проблематики.

Критические по многим направлениям развития мобилизационной экономики нашей страны проблемные недостатки, образовавшиеся в последнее время, требуют адекватного подхода к совершенствованию российского предпринимательского законодательства. По словам главы ЦБ России Э. Набиуллиной, в ближайшее время начнутся структурная трансформация экономики и поиск новых моделей бизнеса.

На состоявшемся в начале апреля 2022 г. заседании Президиума РАН говорилось, например, о том, что «надо срочно принимать законы, а самое главное — механизмы их реализации, для поддержки отечественного производителя, что позволит создавать собственную технику мирового уровня». Отмечалось также: «Кстати, даже те приборы, производство

которых уже освоено, нередко выпускаются в мизерных масштабах. А по многим позициям в “портфеле” науки имеются заделы, которые многие годы оставались невостребованными, не покидали стены лабораторий». В нынешней экстремальной ситуации нужны экстраординарные действия, чтобы свести эффект санкций к минимуму. РАН предложила набор соответствующих мер, которые, с очевидностью, «бьют в одну точку — преодолеть разрыв между наукой и промышленностью». При этом было обращено внимание на то, что принципиально иная ситуация в оборонной отрасли, там давно отработан эффективный механизм внедрения научных разработок, многие виды нашей военной техники являются лучшими в мире. А Президент РАН А.М. Сергеев прямо сказал: «У нас нет времени на раскачку и права на ошибки, на длительное налаживание контактов. Надо двигаться быстро, предлагая наиболее эффективные решения. Так работали Королев и Келдыш, этот опыт перешел в нашу оборонку. Во главе проекта главный конструктор и главный научный руководитель. Такой тандем работает в постоянном контакте, оперативно решает возникающие вопросы. Аналогичный подход для создания высокотехнологичной техники мы предлагаем применить сейчас на гражданке»¹³.

Поэтому перестраивать предпринимательское законодательство на соответствие требованиям мобилизационной экономики без определяющего воздействия науки предпринимательского права прежними методами, способами и приемами не получится. Есть основания полагать, что пора возвратиться к выполнению Указа Президента РФ от 29 апреля 1994 г. № 848 «Об исследовательской программе “Пути и формы укрепления Российского государства”»¹⁴, которым была предусмотрена разработка Предпринимательского кодекса РФ. Были тогда созданы и научные заделы по этому вопросу.

* * *

Не исключено, что придется принимать и новую Конституцию РФ — такое уж наступает время для нашей страны. И в этой новой Конституции РФ следует закрепить основную цель предпринимательской деятельности. Ведь сейчас её главная цель в силу Гражданского кодекса РФ — извлечение прибыли. Что называется, «без берегов», главная задача бизнеса — заниматься тем, что ему, бизнесу, выгодно. Ориентация предпринимательской деятельности в первую очередь на нужды общества и государства подлежит закреплению в Конституции РФ.

¹² См.: Хозяйственное право и государственный арбитраж. М., 1983.

¹³ Росс. газ. 2022. 6 апр.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 1994. № 2, ст. 84.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Игнатова О.* Сам себе начальник. В России растёт число самозанятых // Росс. газ. 2022. 7 апр.
2. *Лаптев В. В.* Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 141.
3. *Лаптев В. В.* Предпринимательское право: понятие и субъекты. М., 1997. С. 25–30 (гл. 4 «Система предпринимательского права»).
4. Хозяйственное право и государственный арбитраж. М., 1983.
5. Хозяйственное право. Общие положения. М., 1983.
6. Хозяйственное право. Правовое регулирование функциональных видов деятельности в социалистической экономике. М., 1986.
7. Хозяйственное право: учеб. пособие для юрид. вузов / под ред. В. В. Лаптева. М., 1967.
8. *Ястребов О. А.* Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. 2017. № 1. С. 189–202.

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович —
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019
г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

REFERENCES

1. *Ignatova O.* Is his own boss. The number of self-employed is growing in Russia // Ross. gaz. 2022. 7 Apr. (in Russ.).
2. *Laptev V.V.* Subject and system of Economic Law. M., 1969. P. 141 (in Russ.).
3. *Laptev V.V.* Entrepreneurial Law: concept and subjects. M., 1997. P. 25–30 (Chapter 4 “System of Entrepreneurial Law”) (in Russ.).
4. Economic Law and state arbitration. M., 1983 (in Russ.).
5. Economic Law. General provisions. M., 1983 (in Russ.).
6. Economic Law. Legal regulation of functional activities in the socialist economy. M., 1986 (in Russ.).
7. Economic Law: studies. a manual for lawyers universities / ed. by V.V. Laptev. M., 1967 (in Russ.).
8. *Yastrebov O.A.* Discussion on the prerequisites for assigning the legal status of “electronic persons” to robots // Questions of Jurisprudence. 2017. No. 1. P. 189–202 (in Russ.).

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. —
Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia